Виктор Мартинович

ПАРАНОЙЯ

Москва
«АСТ»
Санкт-Петербург
Астрель-СПб

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
М00

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Мартинович, В.

М00 Паранойя: Роман / Виктор Мартинович.— М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2009.— 000, [0] с.

ISBN 0-00-000000-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-0000-0 (ООО «Астрель-СПб»)

ISBN 0-00-000000-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-0000-0 (ООО «Астрель-СПб»)

Эта книга — заявка на новый жанр. Жанр, который сам автор, доктор истории искусств, доцент Европейского гуманитарного университета, редактор популярного белорусского еженедельника, определяет как «reality-антиутопия». «Специфика нашего века заключается в том, что антиутопии можно писать на совершенно реальном материале. Не нужно больше выдумывать „1984“, просто посмотрите по сторонам»,— призывает роман.

Текст — про чувство, которое возникает, когда среди ночи звонит телефон, и вы снимаете трубку, просыпаясь прямо в гулкое молчание на том конце провода. И от мысли, что теперь позвонят уже в дверь, становится так страшно, что... вы идете и открываете. Открываете — зная, что тем, кто молчит в трубку, открывать ни в коем случае нельзя.

Текст 1 про мир, в котором каждый вздох подслушивается и нумеруется, где каждая улыбка фиксируется и вносится в реестр, где единственной функцией стен является прослушка, а прохожие никогда не бывают случайными. Мир, существующий только в мрачных королевствах вашей фантазии. И о тех незаметных людях, которые молчат в телефонные трубки и помогают этому миру проникнуть в вас.

Подписано в печать с готовых диапозитивов
Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 00,00.
Тираж Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

© Виктор Мартинович, 2009
© ООО «Астрель-СПб», 2009

Все события, изложенные ниже, являются вымышленными, герои никогда не существовали в реальности иной, кроме реальности данного текста. Любое несанкционированное сопоставление с историческими личностями или здравствующими ныне людьми может быть квалифицировано как уголовное преступление, преследуемое международным и национальным законодательством. Во избежание неосознанного совершения деяний, предусмотренных Уголовным кодексом, автор призывает вообще не читать этой книги, четко отдавая себе отчет в том, что лучше бы ее ему в принципе не писать.

Прекрасным валькириям в платьях, сотканных из звезд, несущимся по встречной полосе жизни за рулем огромных джипов, вам, глядящим на мелькание огней за тонированными стеклами со смесью страха и восторга, вам, хохочущим от мимолетности момента и не знающим, что такое смерть, пока стремительно приближающиеся фары, огромные, яркие снопы света, эти ослепительно, больно красивые фары...— вам, вам — посвящается.

Министерство государственной безопасности
Управление по работе с письмами Пятого отдела

Протокол перлюстрации входящей корреспонденции
объекта «Пустующая квартира
по адр. К. Маркса, д. 14, кв. 54»

20 ноября в жилое пространство находящегося на мониторинге объекта в зазор входной двери неуст. лицом было осуществлено вбрасывание бумажного конверта продолговатой формы станд. разм. без маркировки адресата и отправителя. Вскрытие конверта было произведено с помощью портативной установки «Липа-У». В конверте был найден сложенный в три раза по направлению «в ширину» лист А4, с нанесенным на него посредством принтера текстом. Увеличение × 100 установило на левом поле текста микромаркировку, оставляемую лазерным принтером Laser Jet, индивидуальный номер HOj-233440PU-334543l, зарегистрированным для работы в печатном салоне «Печать. Быстро. Надежно» по адресу ул. Скрыган, 75 (лицензия № 346734, выдана частному предпринимателю Комонюку П. Д.). Группа фиксации уже собирает в салоне показания. Прочтение текста позволило выявить в нем следующее содержание:

«Уважаемый жилец квартиры 54 в доме номер 14 по ул. Карла Маркса.

Жилищно-ремонтно-эксплуатационное объединение (ЖРЭО) Центрального района приносит свои самые искренние извинения в связи с несвоевременным реагированием на заявку, сделанную вами 18 ноября на кухне. ЖРЭО Центрального района подчеркивает, что несвоевременное реагирование было обусловлено не нашими колебаниями в целесообразности исполнения своих служебных обязанностей, но чрезмерной медлительностью нашей исполнительной системы и тугодумием отдельных ответственных лиц, которые уже близки к тому, чтобы наложить на себя руки. В знак нашего искреннего раскаяния придите, пожалуйста, завтра, в 11.00, в нашу контору (узнаете по шахматным фигурам на входе) с целью вручения вам ценного подарка.

ЖРЭО Центрального района, а вместе с ним — все Министерство жилищно-коммунального хозяйства пользуется этим случаем, чтобы заверить вас, жилец квартиры 54 в доме номер 14 по ул. Карла Маркса, в своей искренней и неизменной любви».

После снятия фотокопии и изучения письмо, согласно инструкции, было помещено обр. в конв., запечатано с помощью портативной установки «Липа-У» и размещено на полу в прежних пределах.

Поясн. анал. отдела: В ЖРЭО Центрального района никаких подлежащих удовлетворению заявок 18 ноября не поступало. Авторство данного письма, как это видно из характера его изготовления, принадлежит частному лицу. Реком. напр. фотокопию в отдел дешифровки.

Министерство государственной безопасности
Управление по работе
с письмами Пятого отдела

Протокол перлюстрации
входящей корреспонденции
объекта «Пустующая квартира
по адр. К. Маркса, д. 14, кв. 54»

22 ноября в межщелевое пространство входной двери был просунут конверт. В связи с узостью проводного паза он застрял непосредственно в двери, оставшись висеть в ней за краешек. Вскрытие конверта с помощью аппаратного комплекса «Липа-У» выявило стандартный лист бумаги А4 с напечатанным текстом. Изучение характера печати не выявило защитной микромаркировки, что позволяет заключить, что текст был изготовлен на принтере, не прошедшем регистрации в установленном порядке в Министерстве информации. Можно предположить, что письмо было отпечатано на личном струйном принтере, приобретенном в личное пользование до введения обязательной регистрации. Непосредственно текст записки, после прочтения запечатанной и положенной обратно:

«Я бросил якорь у Дарданелл. Буду стоять на приколе завтра в 11.00».

(Кавычки наши). Представляется разумным передать фотокопию дешифровщикам.

Министерство государственной безопасности
Управление по работе с письмами Пятого отдела

Протокол перлюстрации входящей корреспонденции
объекта «Пустующая квартира
по адр. К. Маркса, д. 14, кв. 54»

27 ноября в дверную щель в 15 см ниже защелки неустановленным лицом со стороны лестничной площадки был вдавлен конверт продолговатой формы, без адресата и обратного адреса. Досмотр был осуществлен с помощью аппарата отклеивания «Липа-У», по завершению изучения письмо было размещено на полу в прежнем положении поворота. Письмо изготовлено с помощью написания «от руки», почерк — сбивчивый, много зачеркиваний, помарок. Общий скачущий характер метода написания позволяет заключить, что лицо, которому принадлежит авторство документа, создавало его в состоянии сильного эмоционального стресса, было психологически подавлено, испытывало т. н. «грусть»:

«Ты не отвечаешь на письма и не приходишь на встречи. Ты исчезла, как исчезли все те, кто пытался бороться с ним (бороться с ним то же самое, что бороться с атмосферным давлением, таянием снега весной или, наоборот,— с замерзанием рек в ноябре. Вот это — нужная метафора: замерзание, неотвратимое, плавное, кошмарное, и не в силах одного, пяти, пятисот, пяти тысяч — разморозить дыханием, ладонями,— можно лишь замерзнуть самим). Но что это? Я пишу тебе о нем? Нет, нет, не буду, не буду, не буду.

Я помню, как осторожна ты была, когда давала о себе знать в прошлый раз,— после восьми недель наших судорожных попыток образумиться (и, если бы тогда ушли от опасности, ты не исчезла бы теперь, но — не выдержали, не образумились!). Да, да, я знаю. Я веду себя как дикарь, просовывая эти весточки в щель твоей двери, они вычислят меня по следу, по запаху, по отпечаткам пальцев (я не могу писать письмо тебе в перчатках), они вынюхают меня и, проснувшись однажды среди ночи, я обнаружу, что в моей комнате много незнакомых мне людей, стоящих вкруг кровати молчаливых черных фигур,— мне такое уже снилось, когда я задремал на час или два (я не могу теперь толком спать).

Ты играла с ними как со щенками, обводила вокруг пальца, оставаясь видимой лишь мне. Я так не умею. Нет — дело не в том. Я так не хочу. Я не имею на это права. Ведь когда мы расставались в прошлый раз,— все было по-другому. Я говорил с тобой, и ты мне отвечала. Сейчас же я слышу в ответ только тишину — тишину пустоты, если пустоту действительно можно слышать, эдакий минус звуков, полный ноль, и получается, что я говорю как будто бы сам с собой. А трусить, разговаривая с собой,— последнее дело. Я говорю им, что я пришел к тебе, говорю не таясь и молюсь лишь о том, чтобы ты все еще могла меня услышать.

Я не имею права больше скрываться, ведь — давай признаемся в этом друг другу — твоя вина была не в том, что ты с ними боролась. Ты, как и я, никогда не бросала им вызов. Ты была слишком ленива и слишком игрива, чтобы с кем бы то ни было бороться. Твоя вина была и не в той нашей маленькой тайне, о которой я не посмею сейчас — даже сейчас — сообщить бумаге. Нет, я, я — твоя вина. Я. Именно из-за меня, за меня ты...

Наш рай оказался слишком близко к их „Райпищеторгу“, так что наших сказочных зверей перекрутили на закусь к пиву и сожрали за тонированными стеклами автомобилей.

Но, знаешь, я благодарен им. Да, да. Благодарен. Всего лишь за одну вещь. За бесследность. За то, что всех его врагов никто и никогда не находил. Ни в каком виде. Они навсегда остались живыми — люди столько не живут, сколько их будут ждать. Сначала жены. Потом дети. Потом внуки. Я благодарен за то, что могу сейчас сложить руки в замок, спрятать в них лицо, зажмуриться и сказать себе, что ты — жива. Что молчишь потому, что я, я, а не они, тебя обидел, и я действительно обидел тебя, и извинился, и хохотал, когда сочинял эту дурость про ЖРЭО (тогда, в первые дни, я еще мог хохотать).

У меня остается надежда. Так хорошо начинать сначала. „Спачатку“ — как говорят по-белорусски, и сразу же представляется ароматный початок кукурузы с тысячей аппетитных маленьких солнц, не тронутых, девственных, но, стоит нарушить их гармонию,— придется догрызать до конца,— чтобы только не видеть это уже вскрытое, нарушенное начало, чтобы поскорей прикончить его и начать снова, с нуля, с нетронутости. Его враги — кто знает? — могут грызть сейчас „початок“ жизни где-нибудь далеко и знают, что возврата нет, они ведь „исчезнувшие“,— я ведь почти уже верю сам в эту галиматью. Что все они украли себя сами. Я верю ради тебя, нет — ради себя, ради того, чтобы моей надежде было куда расти. Верю в то, что и ты, и они исчезли без всякой помощи, закрыли сердце для прошлого, улетели от нас навсегда. Я верю, верю в то, что ты — жива. Что прочтешь это письмо, пакуя вещи за теми глухими дверями, за которые мне уже не суждено попасть. И перечитаешь потом, в такси, на пути в аэропорт. И где-то среди черных, горьких песков твоей обиды возникнет маленький росточек (альстромерия? стрелиция?), который ты будешь поливать воспоминаниями. Ты почувствуешь, что забота о нем помогает тебе жить, делает твое сосуществование с этой горькой пустыней выносимым. И — кто знает,— быть может, однажды этот цветок прощения — а именно на него у меня теперь вся надежда — заставит твою руку написать слово „медведь“ еще раз. Все остальное — не предназначено их глазам; я произношу это шепотом перед тем, как запечатать конверт, и я уверен, ты — слышишь».

Рекомендуется изучить на предмет возбуждения уголовного дела по статьям УК «клевета», «дискредитация Родины и ее должностных лиц».

Министерство государственной безопасности

Заключение Пятого отдела
по итогам просмотра
протоколов перлюстрации входящей корреспонденции
объекта «Пустующая квартира
по адр. К. Маркса, д. 14, кв. 54»

Включить все представленные материалы в уголовное дело, проходящее под № 12284\ТЕ-12 (наблюдаемые объекты — «Гоголь» и «Лиса»). Доступ ограничить

Appendix 1

Анатолий Петрович Невинский (profile личной странички в Интернете).

Родился недалеко от станции Арктическая за полярным кругом, в семье белых медведей (по другим данным, упал на Землю в виде метеорита). В Арктике с молоком матери впитал любовь к либеральным ценностям, хрусту огурца и

творчеству прерафаэлитов *. Был найден арктической экспедицией и перевезен в БССР с целью дальнейшего изучения в Институте картофелеводства Академии наук. Набравшись сил от окружавших его клубней, перегрыз дюймовые прутья решетки и бежал. Был объявлен во всесоюзный розыск, но быстро возмужал, в т. ч.— идейно, в результате чего изменился до неузнаваемости. Стал издавать подпольную газету, в результате чего развалился СССР. В настоящее время известен как публицист, прозаик и драматург. Также немного известен как метеорит, но это — только в узком кругу.

Злые языки говорят, что на самом деле был рожден в семье интеллигентов при заурядных обстоятельствах, т. е.— в результате зачатия обычными двуногими людьми, ходил в самую обычную школу. После школы, мечтая стать никому не известным учителем русского языка и литературы, поступил на филфак БГУ им. Ленина. Закончив его с отличием, некоторое время действительно проработал никому не известным учителем русского языка. Но неожиданно для себя стал заметным явлением русскоязычной литературы, за что и был уволен из школы. Автор пяти сборников рассказов и пьес. Его проза отличается иронией, злободневностью и вместе с тем тонким лиризмом. Наибольшей популярностью на родине пользуется сборник эссе «Страна на букву Б», за ее пределами — рассуждения о постсоветской эпохе и ее людях «Зачатые совковой лопатой». Ряд произведений экранизирован и переведен на иностранные языки.

---

* *Прерафаэлиты* (англ. *Pre-Raphaelitie Brotherhood*) — направление в английской поэзии, живописи и критике во второй половине XIX века, образовавшееся в начале 50-х годов с целью борьбы против условностей викторианской эпохи, академических традиций и слепого подражания классическим образцам. Полагали, что живопись закончилась с Рафаэлем, а потому исповедовали возврат к канонам дорафаэлевой эпохи. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Часть первая

МЫ

1

И был свет, и наступила тьма. Монитор погас одновременно с настольной лампой, и огромный, залитый солнцем зал, по которому, заламывая руки, ходил придуманный мной маленький человечек в пуловере, галстучке и трогательных очках, стал таять. Мир моих фантазий оказался завязан на электричество, даже не так,— на какую-то проводку, пробки, автоматы-выключатели. Стоило чему-то в электроцепи подъезда не сойтись, и страдали ни в чем не повинные и даже не до конца еще придуманные мной перед гладью монитора люди. Наибольшая странность заключалась в том, что вместе с уютным, греющим плечо светом настольной лампы закончился и тот яркий летний свет, который и не зависел вроде бы ни от какого электричества. Тот свет был создан Богом в мире, что существовал лишь в моем воображении, и вот вся эта хрупкость, все Его могущество там померкло из-за каких-то автоматов, проводки, пробок — здесь.

Человек еще некоторое время стоял посреди аудитории, разговаривая, кажется, сам с собой и все повторяя «мой любимый ученик», «самый любимый», но потом и он не смог больше существовать без тени, ко-

торую не отбрасывал без погасшего солнца, и я остался совсем один в холодных, старомодных стенах моей сталинской квартиры. Писать расхотелось — такая вокруг стояла чудесная тишина. Пожалуй, нужно было зажечь факел, и я пошел за факелом и зажег тот, что у меня был,— еще вполне половозрелый огарок свечи.

Я отразился в кухонном окне, найдя этот образ притягательным,— человек со звездой в ладони, быть может, за каждой из них там, на небесах,— сокрытый от нас домовладелец, блуждающий по небесному своду в поисках ножа. Да, мне нужен был нож, ведь единственный способ вернуть свет — открыть электрощиток и щелкнуть автоматами. Или пробками. Или цепью. Или электронами. Или волной, которой, кажется, является электричество. В общем, там три таких эбонитовых тумблера, по тумблеру на комнату, и каждому из них нужно свернуть голову, и тогда волна пойдет, пробки вернутся в свои бутылки, и мы с моим бедным человечком будем со светом: я — с электрическим, а он — с солнечным..

Электрощиток закрыт, ручка выломана ЖЭСом, чтобы смекалистые жильцы не ковырялись в электросчетчиках и не заставляли их крутиться назад, обращая время вспять. Очень были они там, в ЖЭСах, обеспокоены проблемой времени. Щель узкая, защелка запрятана в ней столь же глубоко, как воспоминания о детской травме в подсознании у психа, инструмент для операции нужен соответствующий, закаленный, как Зигмунд Фрейд. Обычный столовый мельхиор от тыканья в эту щель гнулся, как предметы на картинах у Сальвадора Дали, так что нужен сделанный еще отцом, из куска двухмиллиметровой стали, с деревянной ручкой, отполированной сначала его, затем моими ладонями. Нож, которым ничего не стоит вспороть брюхо этому щитку и нащупать в нем защелку. Ну где же она?!

Наконец щиток распахнулся, выключатели туго щелкнули, из дверного проема вспыхнул свет. Я задул огарок и прошел к письменному столу, за которым совершал чудеса сотворения. До какой же степени здесь было нечего делать без света — в этом двухкомнатном мирке с дрожащими на стенах играми свечного света! Все мы homo electricus, жаль, Маклюэна * нет в живых! Но, посидев перед ожившим столом, я понял, что здесь, дома, совершенно нечего делать и со светом. Электричество гнало меня прочь в ночь, настроение сместилось в минорную сторону весеннего вечера, проводимого человеком в одиночестве. Ни залитая солнцем аудитория, ни мой маленький человечек в пуловере (может, лучше в бабочке? Но нет, не ходят у нас профессора в бабочках) не могли больше отвлечь меня от себя. Собственно, моему маленькому человечку было грустно оттого, что мне было грустно, и весенние вечера — такие грустные, и до часа — не заснуть, а здесь, в этих стенах, можно думать, пожалуй, лишь о том, что чай, который ты пьешь в одиночестве, имеет совсем другой вкус, нежели чай, который ты делишь с кем-то.

В моей записной книжке было несколько быстрорастворимых рецептов от одиночества, состоявших из имени и набора цифр,— из тех, что заканчиваются торопливым одеванием. Торопливым — оттого, что дома уже ждут. Ждут, быть может,— раздеваясь (и думать об этом особенно больно). Меня дома никто не ждал и не ждет. Я могу спокойно уйти и долго-долго не одеваться. Я знаю, я себе это много раз говорил:

* *Ге́рберт Ма́ршалл Маклю́эн* (англ. *Herbert Marshall McLuhan*, 1911—1980) — канадский философ, филолог, профессор английской литературы, теоретик коммуникации, автор теории медиа как «расширений» человека, известный своей максимой media is the message (канал коммуникации и есть сообщение).

человек всегда получает то, чего хотел, то, к чему стремился на самом деле, а не на словах, и — вуаля, дома меня ждут лишь придуманные мной герои да ненаписанные слова, которым я нужен как Бог, и все хорошо — потому что пришла весна, и двор, в который незаметно переходит мой подъезд, встречает меня апрелем, незаметно для меня перешедшим в май, и здесь, справа, на своем месте,— моя фрау, которую нужно вымыть по случаю завершения зимы, и ведь соврал, сказав, что никто не ждет,— есть вот фрау, я нужен ей хотя бы для того, чтобы ее мыть, ее заправлять, ее возить по городу, смотреть, выходя из подъезда, на кусочки баварского неба в ее кругленьком логотипе.

Я не знаю, куда шел и зачем шел, но почему-то было грустно — та грусть, которую я хотел сообщить маленькому человечку в залитой солнцем аудитории, так и осталась во мне, не перелившаяся, не нашедшая облегчения и выхода, но ничего, старик, ничего, ничего — сейчас ведь май. Коридор улочки, ведшей от моей квартиры на проспект Независимости — главный проспект страны, проспект, который по явному недоразумению до сих пор не носит его имени,— закончился. Я обнаружил себя среди нарядных и равнодушных людей и очень остро осознал, чего ищу, что выгнало меня из дома. Я искал глаза, конечно же! Мне нужны были человеческие глаза, которые посмотрят на меня — пусть не с интересом, но просто посмотрят — не на мою одежду, мой отчаявшийся плащ, не на прическу (freaking genius), не на эту сделавшуюся чересчур механистической — стоило мне подумать о ней — походку. Нет — на меня. На то живое существо, которое шло здесь, среди других живых существ, готовое любить их и смотреть на них, по-настоящему, по-библейски, замечать их. Да, знаю, знаю, я прошу слишком многого. Это скоро пройдет.

Возле магазина «Лянок» меня остановила китаянка и попросила сфотографировать ее с подругой, я искал нужный ракурс в оконце фотоаппарата, а она спокойно и медленно смотрела на меня — именно так, как нужно, как я искал! И я отнял камеру от лица, и готов был улыбнуться — одной улыбки мне было бы достаточно. Я знал бы, что не один в этом городе, что есть еще — ты, кто бы ты ни была, даже если ты не знаешь ни слова на моем английском,— просто обмен улыбками: два живых существа сообщают о том, что они друг друга поняли. И даже понятно было бы, отчего ей смотреть на меня так,— ведь она здесь одна, в этом городе белокожих верзил, думающих, что они знают о людях все, и я бы улыбнулся одними глазами, протянул ей камеру, кивнул ей и подруге, и уполз бы в свою квартиру, и сделал бы себе чай, и думал бы о ее одиночестве, и — тешил бы себя мыслью, что она думает — о моем... Но — ее взгляд, тот самый, который я принял на свой счет, ушел вниз, вместе с опущенной вниз камерой, она смотрела не на меня, она смотрела — в камеру, то есть — на себя. Или на того, кому предназначался снимок, и ни капли ее души не предназначалось человеку, долженствующему нажать нужную кнопку и вернуть ей цифровой отпечаток ее искренности, направленной на кого-то другого, и я — нажал, и я — вернул. Был момент на остановке — невнятные глаза, существовавшие лишь намеком, лишь полутенями из-под черных арочек бровей, из-под кокетливой челки, посмотрели на меня, и я решил, что они — по-кошачьему зеленые, и что я побегу за этим троллейбусом, двери которого уже закрывались, побегу, чтобы сказать на следующей остановке лишь одно слово этим бровям: «Спасибо». Ничего больше мне не нужно. Правда! Рецепты всего остального есть в записной книжке, и каждый из них гарантирует отсутствие

самого главного — вот такого взгляда. И троллейбус тронулся, и поплывший взгляд оперся о точку в пространстве, находящуюся за мной, за мной, и я обернулся, и обнаружил там того, кому предназначался этот взгляд, и почувствовал себя вором, и зашагал прочь, сконфуженный. Кафе «Бригантина» уже прорвалось на тротуар летней террасой, но было еще слишком холодно, и посетители сидели в коконах пледов, и две барышни, дополненные бокалами с красным вином, стрельнули глазами, но в их взглядах было слишком много профессионализма, чтобы я позволил себе обольщаться. Моя простуда прошла еще не до конца, по спине пробегали пугливые тучки озноба, и ощущение было,— что зябко душе, а парочки и людские стайки, идущие навстречу, производили впечатление рыб, и для них я был столь же чужд, сколь чужды человеку хладнокровные экзотические рыбы в аквариуме,— магия, которая работает в две стороны, и ты, естественно, не знаешь обо мне ничего и никогда ничего не узнаешь, но я принял твой сигнал. Антарктида озноба на спине становилась больше — я не встретил взгляда, способного растопить льды,— нужно было, наверное, идти домой пить чай, да добавить в него побольше лени малинового варенья, да укутаться, да пропотеть. Но я шел вперед, как будто следуя зову,— теперь, конечно, я знаю, что это ты звала меня, но в те моменты — просто брел. На Октябрьской площади перед антиутопической громадой Дворца республики люди дарили свои глаза огромному экрану, по которому он рассказывал что-то про внутренних и внешних врагов, но спокойно и как-то добро, так что чувствовалось, что в стране — стабильность. Некоторое время пришлось идти, видя перед собой лишь спины, лавируя, слыша вкрадчивые слова, ощущая его отеческий взгляд, но это были однозначно не те глаза, в которые мне бы хотелось заглядывать.

Я думал о том, какие глаза у ползущих по проспекту автомобилей,— большинство из них были, конечно, наглыми. Встречались развратные, злые (акулий профиль моей фрау тоже, наверное, мог натолкнуть на мысль о хищном характере, но она добрая, добрая), азартные, стремительные, жалкие, с ярко выраженным кошением по сторонам — у советских «Жигулей», которые, к тому же, смотрели на город как будто через толстые очки в старомодной оправе. Были еще глаза страшные, полузакрытые решетками, с дополнительными фонарями,— так ездили его люди.

Народа вокруг стало меньше, и я сразу сообразил, почему: я прошел уставшее от собственных попыток вернуть социализм здание ГУМа и оказался в районе, куда не надо было, не надо было, конечно. Прямо передо мной Пятой симфонией Бетховена грохотало Министерство госбезопасности — комплекс зданий, нарядной стороной обращенных к проспекту и страшных сторонами, обращенными к боковым улочкам, на которые никогда не сворачивают автобусы с иностранными туристами. Сталинское барокко: портики, пилястры, барельефы с серпами и молотами, колонны коринфского ордера с дополнительными языками, плодородно свисающими вниз, знаменуя торжество соцреализма в камне. Заштрихованный на всех городских картах квартал, резиденция — его резиденция,— возле которой постоянно дежурят люди в штатском, и не дай мне бог здесь замедлить шаг или, тем более, достать камеру. Там, прямо по центру, между колонн, венчая идущие к ней ступени, располагается исполинская дверь, которая навсегда закрыта: никто не попадает сюда через центральный вход, никто.

Я спешно перешел на другую сторону улицы, заметив, что решенная в стиле чуть более тонком, чем сталинский ампир (сталинское рококо, что ли?), башенка, пристроенная к крыше правого крыла здания,

озарена изнутри мягким светом. Легенды — наши легенды, легенды, рожденные ночной паранойей, исчезающими соседями, редкими рассказами оправданных врагов, побывавших на допросах,— эти легенды рассказывают, что когда-то башенку пристроил к зданию всемогущий председатель советского Комитета госбезопасности Цанава. Ее и называли так в спокойные советские времена — «башенкой Цанавы». Ну а потом пришел он, объединил страну, свел в одно все силовые ведомства, сделав их единым Министерством госбезопасности, и с тех пор никто не сомневается, чья эта башенка. Конечно, там сидит он. И, поскольку он никогда не спит, в башенке сутки напролет горит свет. И я не знаю, что из этих двух наименований страшней — отвлеченное местоимение «он», или давно ставшая нарицательным фамилия «Муравьев», или вся обойма его регалий: глава государства, Верховный главнокомандующий, министр государственной безопасности Николай Михайлович Муравьев. И что слова «военный переворот», «узурпация», «аресты» — рядом с этим простым, все сразу объясняющим «Муравьев»? Муравьев! Да. Муравьев. Министр, назначающий президентов.

Вообще-то МГБ не положено бояться. Коль скоро они зажигают свет в башенке, стало быть, горожане должны гулять вокруг, и смотреть, и восхищаться его усердием, его заботой, но вот интересно, если шарахнуть по ней из гранатомета... Тут я услышал за своей спиной до такой степени характерные шаги, что спешно ускорился,— и мелькнула ласточкой паническая мысль о том, что теперь они могут прослушивать мысли, и свернул во дворик «сталинки», увенчанной старыми часами, и вышел на Маркса, и быстро пошел прочь из этого района. Шаги сзади были шагами простого прохожего, дурак!

Я честно прошел мимо казино, патриархально поклонился родному филфаку, дополненному еще не закрашенным граффити «I feel fuck»,— неудачный каламбур, брезгующий грамматикой, каламбур на уровне провалившегося абитуриента из ПТУ, но уцепился, гад, и складывался сейчас в разные комбинации кубика рубика: «Filled fuck», «Fill f.a.q», «Filmed fuck» — стоп, стоп — хватит. Я шел по улице Карла Маркса, нет, конечно,— эта Маркса теперь названа так в честь бренда Маркс&Спенсер — так много теперь здесь было светящегося, яркого, гордящегося собой, лоснящегося капитализма, который, как оказалось, может спокойно сосуществовать с МГБ и даже выгодно дополнять его. Но это все тоже было неважно — я был готов с удовольствием ходить по улице имени Маркса&Спенсера, но — существуя, чувствуя и осознавая себя существующим — существующим как живое создание, а не манекен в мире манекенов.

Ты уже разорвала два пакетика сахара, когда я прошел мимо величественного входа в Конституционный суд МГБ. Ты уже всыпала их содержимое в высокий, стройный бокал, к которому тебе выдали длинную, как цапля, ложку. Ты хорошо подготовилась и ждала меня, смятенного, влекомого невнятным ожиданием тебя, как зритель в театре,— устроившись поудобней и обратившись в зрение. Я привычно отметил вывеску кафе «Шахматы», огромные окна, сквозь которые виден решенный в черном и белом интерьер; официанты в старомодных одеждах, вызывающих в памяти даже не саму набоковскую «Защиту Лужина», но ее голливудскую экранизацию, с героями в репинских одеждах; посетители, действительно играющие в глубине зала, под приглушенным светом, в шахматы; ты, несколько подчеркнуто одетых девушек, смеющихся над чем-то из стоящего перед ними

лимонного цвета ноутбука, пара стареющих лысых джентльменов, явно придумывающих повод смеяться рядом с девушками и чувствующих, что девушки смеются — для них, но нет — ты! Ты! Я когда... Я увидел... Ты смотрела вот прямо на меня сквозь это стекло, просто и чуть иронично, мол,— ты где так долго петлял? Мои поиски закончились, да, да, я искал вот этих глаз.

Я не буду говорить ничего о твоей красоте, я клянусь — я вряд ли даже запомнил, во что ты была одета,— кажется, что-то темное, подчеркивающее силуэт, шею, длинные кисти рук, но все это нужно было лишь для одного — оттенить этот простой и человечный, этот смеющийся, кажется, надо мной, взгляд; взгляд, остававшийся совершенно строгим, пуританским и серьезным для любого другого человека; взгляд, который, тем не менее, ясно говорил мне все,— ты проводила этим взглядом все мои взгляды и, когда я остановился на тебе, просто заглянула в самую мою душу, в те фиолетовые глубины, о существовании которых я и не подозревал. Но мало того, что ты глянула туда вот так — из-под насмешливых бровей,— еще более темных от того, что волосы у тебя были светлыми,— ты поселилась там. Не отводя взгляда, ты поднесла к лицу бокал с охристо-белой слоистой жидкостью (латте макиато) и сделала глоток, и слои смешались, образовав вихрь,— метафора того, что происходило сейчас у меня в душе, а я стоял прямо напротив тебя — в метре? двух? — прямо у стекла, и смотрел на тебя так, как если бы ты была фотографией, а брови твои взлетели вверх, кажется, отчитывая меня за эту мою прямоту. Кажется, ты говорила мне: дурак, ну нельзя так пялиться, ну что ж ты делаешь, я — стесняюсь, а губы были скрыты охристой мутью из длинного бокала, но мне кажется, ты улыбалась, улыбалась за ней, улыбалась мне. Я знал,

что я — человек, живое существо, никакой не манекен, и в этом городе есть ты — чувствующая так же, как и я, и глядящая вот сюда, в сердце, и улица сзади тронулась уходящим поездом и, набирая скорость, унеслась в Монте-Карло, Лас-Вегас, Сиракузы, Нью-Йорк. Никого не было вокруг нас — только я и твои глаза и куча каких-то статистов, которые, проходя, задевали мои плечи, но не могли задеть моего взгляда, не замечавшего уже стекла. Да, я готов был, кажется, шагнуть, шагнуть прямо к тебе — напрямую через эту хрупкую прозрачную стену (я знал, что это стекло — тоньше стенки того аквариума, что отделяет меня от любой из тех, с кем я раздевался и одевался до этого), да и шагнул бы, но вдруг по твоему лицу пробежало землетрясение, ты скосила глаза на столик. А там лежал сотовый телефон — обычный, пожалуй — как будто подчеркнуто обычный, неприятный тебе, а потому — не выделенный никак и ничем, просто телефон, средство связи с кем-то. И вот этот телефон ходил по столу перевернувшимся на спину жуком — кто-то звонил тебе, кто-то, способный проделывать с твоим лицом такое. И ты сняла трубку, и я лишился твоих глаз, ты отвернулась и — вот так! Ты прикрыла свой профиль лодочкой ладони, скрывая от меня движение губ, и конец близился — ты резко встала и быстро — не глядя на меня! — пошла к выходу, а выход был рядом, в двух шагах, невозможно было пройти к нему, не встретившись взглядами, но ты отвернулась, и я уже смотрел на твои плечи под плащом, собранные на затылке волосы, а ты быстрым шагом пошла прочь от меня, держа телефон — все еще раскрытый, но уже безжизненный — в своей ладони. Да кто же позвонил тебе! Что же случилось!

И ты успела сделать лишь пять шагов, потому что дальше, на шестом шаге, стоял припаркованный с

нарушением правил, прямо на тротуаре, джип — огромный Lexus RX 470, металл которого был белоснежен, как твое лицо; он свирепо взвыл сиреной сигнализации, и ты обошла его слева — ты шла на водительское место! Ты намеревалась управлять этой чудовищной машиной, но это... Но как это может быть, это ведь ты — только что смотревшая на меня тем взглядом, который я искал, и ноги сами понесли меня к этому гиганту, и я успел сделать один, два, три шага и остановился, потому что белое лицо этого Lexusa было закрыто черными очками стекол. Твоя машина была в черных очках, а это нельзя, нельзя! Сними же черные очки, не надо их! Но ты уже вставила ключ в зажигание, и, рокотнув самолетным двигателем, исполин завелся, и ожили фары, и из салона тотчас же донесся гулкий, дикий рэп, звучащий как будто из-под земли, как будто там, в Лос-Анджелесе, устроили мегапати и врубили звук так, что грохот прошел через земную твердь и вылез здесь. Ты резко выкрутила колеса и, взревев булькающим, звериным рыком, рванула с тротуара, спугнув из-под колес пригревшуюся там бабушку. И, когда ты уже разогналась до скорости, за которую в этом городе забирают права, когда нагло рыкнула сиреной — не автомобильным клаксоном, а именно спецсиреной — на машину, пытавшуюся проехать по главной дороге, я осознал. Осознал то, что глаза увидели, еще когда ты только шла к своему водительскому месту. Да, да. Номер 2165 КЕ-7. Маркировка «КЕ» означает лишь одно. Этот номер и эта машина принадлежат Министерству государственной безопасности. И только так. На самом деле это же, увы, доказывается тем, как ты была припаркована, тем, как ты ездишь, тем, что на белоснежном лице твоей машины — эти ужасные черные очки. Кто ты? Кто? Почему ты — с ними? Как тебе досталась эта машина? Зачем ты ее водишь, неужели ты не знаешь, что

это — стыдно? У тебя ведь такое лицо, такие глаза и такие кисти рук!

Я брел домой, я все для себя понял. Конечно. Она — дочь какого-нибудь гэбэшного генерала. Ненавидит папочку-душегуба всей душой, ну что ж поделаешь — она-то не виновата в том, что творит отец. Но почему ты ушла так стремительно после того звонка? Почему не махнула мне ресницами на прощание? Я обидел тебя чем-то? Я чересчур таращился на тебя? Или дело в том звонке? Я говорил с ней, говорил, расхаживая по кухне, и помочь мне мог только Дэн. Конечно, Дэн сейчас мне поможет с ее телефоном, я ей позвоню — завтра — девушке нельзя звонить так поздно, а Дэну — можно (Дэн вообще, кажется, не спит). Я ей позвоню и скажу «спасибо» за взгляд, мы с ней подружимся, и она отречется от отца, а тот опомнится, уйдет в отставку и будет поливать из шланга помидоры на даче, а мы будем наступать на шланг и смеяться над ним, а он будет нам говорить, что же вы над стариком издеваетесь?

Дэн — свой человек, оказавшийся среди их информации. Собственно, он и не гэбэшник вовсе, он — гений visual, рекламщик от Бога. Они вычислили его по «фотожабам», которые он вывешивал в Интернете, громя не МГБ даже, а чужую рекламу. Он превратил плакат «Лада. На всех дорогах страны» в карикатуру на «Ладу» с помощью всего одной буквы — буквы «н». Его слоган, проваливший рекламную кампанию «Лады» в регионе, звучал так: «На всех дорогах странны». Визуальный ряд — гордость российского автопрома, ковыряющаяся колесами в разбухшей глине проселка,— Дэн оставил неизменным. Собственно, когда МГБ оценило его креативный потенциал и в достаточной степени разочаровалось в изобретательских способностях местных креаторов, оно состряпало уголовное дело об изнасиловании Дэном малолетней прямо

на ступенях школы, в которой она училась, экстрадировало Дэна из Швейцарии, где он зарабатывал себе на жизнь программированием в области химических исследований, и предложило ему выбор. Либо добросовестно отсидеть десять лет, причем — скорее не отсидеть, а отстоять — после того, что на зоне делают с людьми, насилующими малолетних, сидеть очень сложно, либо встать на путь исправления и вплотную заняться имиджем МГБ. Так, во всяком случае, звучит его версия. Именно мышке Дэна принадлежит плакат, преломивший отношение к гэбэшникам в обществе от презрительного страха к страху уважительному. До того все попытки МГБ представить себя в виде наглядной агитации выливались в фотографию злобного врага (врагом был один из гэбэшников — найти достаточно вражескую рожу среди мирного населения не представлялось возможным) и двумя улыбающимися типами в кожанках рядом. Типы выламывали врагу руки, врагу было больно. И слоган вроде: «Враги не пройдут. В МГБ службу несут». Единственный вывод, следовавший из этой рекламы,— два братка словили третьего и сейчас будут из него раскаленным утюгом доставать, где спрятал общак.

Дэн подошел к их рекламе интеллигентски — со всем талантом, открывающимся в человеке, которому светит десять лет. Когда я впервые увидел дело рук его на огромном постере рядом со своим домом, что-то внутри меня пришло в движение, и до самого вечера я думал о том, что работа гэбэшников — не так отвратительна и грязна, как я прежде позволял себе заблуждаться. В конце концов, люди, способные предотвратить преступление еще до его совершения, люди, несущие службу круглосуточно, подвергающие себя опасностям,— такие люди нужны. Ну и так далее. Детище Дэна представляло собой сине-голубой фон, на котором размещалось лицо человека, символизирующего среднестатистического «работника» МГБ. Надо признать, что над выбором лица Дэн поработал так же хорошо, как и над его выражением,— мужчина с венчиком льняных волос на голове смотрел на тебя одновременно очень открыто, доверительно, и вместе с тем — как будто точно зная, где именно и над какими журналами ты онанировал в детстве. Возле его глаз были ленинские лучики. Его губы были сложены в полуулыбку, скорей вермееровскую, чем джокондовскую. Голова — чуть подсвечена сзади, рождая сияние, которое можно было принять за нимб. Человек был одет в темно-синий костюм с добрым бордовым галстуком и беззащитную в своей белизне рубашку. Ощущение было, что на тебя смотрит отец. Или Иисус Христос. Или Бэтмен. К этому плакату можно было ходить причащаться и исповедоваться. И слоган, слоган! «Министерство государственной безопасности. Видим. Слышим. Знаем».

— Дэн?

— Йоу! — Голос был хриплым, как после раскурки. Возможно, слово «как» здесь нужно было бы убрать. Дэну можно. Дэну все можно. Он работает на МГБ.

— Дэн, ты сейчас можешь говорить? — на всякий случай еще раз спросил я, и эта фраза подействовала на него мобилизующе.

Подумав, он сказал:

— Я сейчас могу говорить, Тол, в той степени, Тол, в какой я, Тол, в принципе могу говорить по телефону. Ты понял меня, Тол?

— Понял тебя, Дэн.

— А чего надо-то? — снова ожил он.

— Да номер бы мне б тут пробить по вашей базе. То есть по их базе. Номер явно гэбэшный, заканчивается на «КЕ»...

— МГБ, верняк. Чего тебе еще пробивать!

— Дэн, Дэн! Слушай! Ну надо очень узнать, что за человек эту машину водит. Как его зовут, на кого записана и, если можно, телефон какой. Очень мне надо человека найти. Номер 2165 КЕ-7.

— Брат твой? — хрипло насторожился Дэн.

— Скорей, сестра.

Напевая что-то под нос (слова «Африка», «растаман», «Джамайка», «Бабилон» — преобладали), он заклацал по клавишам. Ожидание затянулось.

— Тол, Толище, слушай сюда,— сказал он.— Тол, я тут все пробил. Нету такой тачки. Нету. Нет ни в ментовских, ни в спецотрядах типа «Вектора», ни в ВИП-секторе. Нет такого номера. Примерещилась тебе твоя сестра.

— Дэн, я...

— Тол!

— Дэн, я видел этот номер, там машина роскошная была, ее не спрячешь, Lexus RX 470, да таких машин в городе всего пара штук.

— Тол!

— Да не может быть, чтоб примерещилась!

— Тол!!! Говорю же тебе: тачки нет ни в одной из номерных баз. Я пролистал три уровня доступа, два последних — даже для меня закрыты, меня, между прочим, могут за жопу взять. Этой комбинации нет ни на первом — «машины оперработников», ни на втором — «личные машины руководства и служебные спецподразделений», ни на третьем, самом закрытом, о котором тебе и знать-то не надо. Нет такой машины, понял? Нумерация идет 2164 КЕ-7, а потом сразу 2166 КЕ-7. Выпали твои цифры. Подумай, Тол. Этого номера нет в номерной базе МГБ. Подумай, Тол.

Дэн внезапно бросил трубку. Перезвонив, я убедился, что его мобильник отключен. Я понял, да, понял, конечно. Твой папа настолько крут, что исключил номер твоей машины даже из закрытых баз данных, к которым никто, кроме МГБ, доступа не имеет. Наверняка должность у него не меньше руководителя отдела в каком-нибудь серьезном управлении типа Пятого. Ох, нет, пусть лучше не Пятое. Пятого управления нам не надо. Не надо никогда. Нет такого номера. Нет такой тебя. Ты мне померещилась, я тебя выдумал, соткал из собственной простудной лихорадки, заселил тобой свою Антарктиду, распугав пингвинов. Ты мне померещилась.

Мне нужны были человеческие глаза, и ты явилась мне из мира, где обитают только такие, как мы с тобой, сделанные из одного куска мрамора, да — ты выточена из мрамора, ты светишься на просвет, и я тоже теперь — свечусь,— и ты смотрела на меня не как на статую, а как на рисунок фактуры в глубине камня, мрамор — прозрачный камень, это знали великие итальянцы, угадывавшие малейшие трещинки в глубине глыбы. Ты померещилась мне и мерещишься до сих пор, я тянусь к тебе всеми моими трещинками, всеми недробимыми крупинками, всеми жилками и уплотнениями породы. Ты улыбалась, и лед Антарктиды, которую я заселил тобой,— растаял. Ты бросила солнечный блик на мою глыбу, высветив мне же — меня, мелькнула и отвернулась; а сейчас нужно просто выбросить тебя из головы, нет, не выбросить — взять тебя на руки, и вынести, и дать тебе вспорхнуть из моих ладоней, ощутить твой свет на прощание, загораясь в последний раз хрусталем, и зажмуриться: прощай! И пусть над моими льдами дуют северные ветра, пусть только пингвины, только пингвины и белая, нетронутая тишина — так будет лучше и для тебя, и для меня,— лети и не оглядыва...